

**В Диссертационный совет Д 212.101.18
на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»**

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Горбунова Дениса Владимировича на
тему: «Допустимость показаний потерпевшего в уголовном процессе»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности: 12.00.09 – Уголовный процесс

Диссертация Д.В. Горбунова носит характер самостоятельного, законченного монографического исследования и представляет собой научный труд, своевременный по исследуемой проблематике и весьма интересный по содержанию.

1. Актуальность темы диссертационного исследования

Проблема допустимости доказательств занимает одно из главных мест в науке уголовно-процессуального права. Конституционный запрет на использование доказательств, полученных с нарушениями федерального закона, критикуется за его категоричный, негибкий характер, препятствующий реализации гарантированного также на конституционном уровне права потерпевшего на доступ к правосудию и эффективность средств правовой защиты. В наибольшей степени это проявляется применительно к показаниям потерпевшего. Процессуальные нарушения, допущенные при получении его показаний, в том числе нарушения его процессуальных прав влекут за собой утрату доказательственной силы как этими показаниями, так и основанными на них результатами других следственных действий (например, предъявления для опознания, если показания о приметах и особенностях, по которым потерпевший может опознать опознаваемого, были получены с нарушением прав потерпевшего).

Таким образом, свойственный отечественному уголовно-процессуальному законодательству строго формализованный подход к

допустимости доказательств в целом существенно ограничивает использование потерпевшим своих показаний как средства отстаивания собственного процессуального интереса.

Проблема допустимости показаний потерпевшего как самостоятельного вида доказательств включает в себя комплекс аспектов, требующих теоретического осмысления и совершенствования в практическом плане. Это и надлежащая процедура получения показаний потерпевшего, с развитием уголовно-процессуального законодательства претерпевшая ряд изменений, и критерии допустимости показаний потерпевшего, данных на предварительном расследовании, прежде всего, в смысле обеспечения достаточных возможностей обвиняемого по их опровержению, и правила признания показаний потерпевшего недопустимыми доказательствами.

Вышеизложенное свидетельствует о потребности в диссертационных исследованиях проблемы допустимости показаний потерпевшего, что и определяет несомненную актуальность избранной соискателем темы диссертации.

2. Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации

Сформулированные в диссертации выводы, рекомендации и предложения основаны на достоверных источниках: научных трудах по уголовно-процессуальному, уголовному и другим отраслям права, теоретических разработках в области криминалистики, а также международно-правовых актах, федеральных конституционных законах, федеральных законах, решениях Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, результатах обобщения судебной практики. Это позволило автору диссертации сформулировать ряд обоснованных научных положений и сделать выводы теоретического характера по исследуемой проблеме, а также разработать рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в части регламентации вопросов, связанных с допустимостью показаний потерпевшего.

3. Степень достоверности и новизны научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации

Новизна научной работы Д.В. Горбунова состоит, прежде всего, в том, что она является первым диссертационным исследованием, посвящённым проблеме допустимости именно такого вида доказательств, как показания потерпевшего.

Достаточной степенью научной новизны обладают и положения, выносимые на защиту, со многими из которых вполне можно согласиться.

Заслуживают поддержки содержащиеся в диссертации положения теоретического и практического характера о порядке исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу (с. 115-120 и др.). В частности, положительно следует оценить предложение диссертанта дополнить установленный ч. 3 ст. 88 УПК РФ перечень участников уголовного судопроизводства, обладающих правом заявления ходатайств о признании доказательств недопустимыми, потерпевшим, его законным представителем и представителем, гражданским истцом, гражданским ответчиком, их представителями, а также защитником подозреваемого, обвиняемого (с. 120). Разумно также и предложение о распространении запрета на включение недопустимых доказательств в любые решения следователя и дознавателя путём изложения ч. 3 ст. 88 УПК РФ в новой редакции (С. 122). Заслуживает поддержки и выдвинутое диссертантом положение о целесообразности предусмотреть в УПК РФ вынесение прокурором отдельного постановления о признании доказательств недопустимыми и исключении их из обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления путём дополнений соответственно ст.ст. 221, 226, 226.8 (с. 124).

Достоверность результатов исследования обусловлена его обширной теоретической, эмпирической и социологической основой. При подготовке диссертации использовалась литература по уголовному праву и процессу, криминалистике, философии, теории государства и права, криминологии и другим отраслям знания. Эмпирической базой исследования послужили

материалы судебной практики, размещённой на официальных сайтах Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, судов ряда субъектов федерации. В качестве социологической базы исследования автором использованы данные (с. 21,36-37, 51, 108-109 и др.), полученные в процессе анкетирования 140 правоприменителей, в том числе федеральных судей, прокуроров, руководителей следственных органов, начальников органов дознания, начальников подразделений органов дознания, следователей и дознавателей в тринадцати субъектах Российской Федерации, что свидетельствует о достаточной репрезентативности его результатов.

Текст диссертации содержит прокомментированные автором примеры, иллюстрирующие практические проблемы, касающиеся допустимости показаний потерпевшего (с. 36, 64, 83-84 и др.).

4. Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая и практическая значимость исследования вытекают из новизны полученных результатов. Теоретическая значимость исследования определяется вкладом, внесенным ее автором в развитие процессуальной теории в виде аргументированных выводов по дискуссионным вопросам, касающимся как общего понятия доказательств и такого их свойства, как допустимость, так и допустимости показаний потерпевшего.

Практическая значимость исследования состоит в разработке научно обоснованных предложений по совершенствованию отечественного законодательства в части, регламентирующей вопросы допустимости показаний потерпевшего.

Полученные автором выводы и разработанные рекомендации могут быть использованы в правотворческой деятельности по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и в правоприменительной деятельности государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, а также в преподавании курса уголовно-процессуального права в юридических образовательных учреждениях России.

5. Оценка внутреннего единства содержания диссертации и её завершенности

Диссертационная работа соискателя представляет собой законченное, характеризующееся внутренним единством монографическое исследование. Внутреннее единство диссертации обеспечивается логической последовательностью и взаимосвязью между собой трёх её глав, объединяющих восемь параграфов, в каждом из которых последовательно разрешены сформулированные во введении задачи, что позволило в конечном итоге достичь поставленную цель диссертационного исследования – сформировать научную концепцию допустимости показаний потерпевшего в уголовном процессе.

Диссертация и автореферат изложены профессиональным юридическим языком, основные положения и выводы диссертации нашли достаточно полное отображение в автореферате и других публикациях соискателя.

6. Замечания и предложения по диссертационной работе

Оценивая в целом диссертацию Д.В. Горбунова положительно, следует указать и на некоторые дискуссионные моменты.

1. Основным и наиболее общим недостатком работы, с которым тем или иным образом связаны остальные её недочёты, - это чрезмерная концентрация автора на процессуальной форме, соблюдение которой обуславливает допустимость доказательств вообще и показаний потерпевшего в частности. Действительно, формально российское законодательство применительно к допустимости доказательств во главу угла ставит соблюдение процессуальной формы. Однако мы же имеем дело с научным исследованием, предполагающим широту взглядов и раскрытие сути проблемы. Поэтому использование авторов в качестве отправных точек хотя бы таких критериев допустимости показаний потерпевшего, как соблюдение конституционных и гарантированных на международном уровне прав потерпевшего и обвиняемого, а также правил, обеспечивающих достоверность показаний, способствовало бы

преодолению формально-юридического подхода, более глубокому анализу проблемы и получению более весомых результатов.

2. Второе замечание напрямую вытекает из предыдущего. По сути сводя допустимость показаний потерпевшего к соблюдению формальных процессуальных правил его допроса, автор не учитывает, что в силу непосредственности судебного разбирательства и принципа состязательности безоговорочно допустимы в качестве судебного доказательства, то есть того, которое может быть положено в основу приговора, лишь показания потерпевшего, полученные в ходе судебного разбирательства в процессе его допроса с участием сторон обвинения и защиты. Использование показаний потерпевшего, данных на предварительном расследовании, допускается в качестве исключения при наличии предусмотренных законом оснований и условий. Более того, в целях обеспечения процессуальных прав обвиняемого и, прежде всего, его права «на конфронтацию» со свидетелями обвинения, гарантированного Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод (п. d ч. 3 ст. 6), наблюдается тенденция по ограничению оглашения и использования показаний, полученных на предварительном расследовании. Это и более строгие условия их оглашения, установленные действующим УПК РФ по сравнению с УПК РСФСР, и новые ограничения, введённые Федеральным законом № 40-ФЗ от 02.03.2016 года.

Таким образом, допустимость показаний потерпевшего, полученных на предварительном расследовании, не исчерпывается следованием правилам об их источнике, субъекте и надлежащей процедуре получения, а включает в себя, по меньшей мере, ещё и наличие оснований, а также соблюдение условий их оглашения в судебном разбирательстве.

Именно поэтому нельзя согласиться с позицией диссертанта, утверждающего, что в качестве показаний потерпевшего могут выступать сведения, сообщаемые не только в устной, но и в письменной форме (21-24), а протоколы допросов потерпевшего имеют самостоятельное доказательственное значение (26-32). Последнее утверждение нивелирует значение принципа

состязательности и такого общего условия судебного разбирательства, как его непосредственность, предполагающих, что показания потерпевшего образуются именно в ходе его судебного допроса обеими сторонами. Показания же потерпевшего, полученные в ходе предварительного расследования, имеют значение, главным образом, для обоснования (мотивировки) обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления.

К тому же признание за протоколами допросов самостоятельного доказательственного значения игнорирует механизм образования доказательственной информации соответствующего вида, отличие способа её формирования от той, что закрепляется в протоколах обыска, выемки, осмотра и других следственных действий. Сама по себе практика признания недопустимыми доказательствами именно протоколов допросов потерпевшего, а не содержащихся в них показаний, на которую ссылается диссертант (с. 82-83, 140-141), не может служить аргументом в пользу обратного.

Нельзя признать удачной и мотивировку того, что в качестве показаний потерпевшего могут выступать сведения, полученные не только в устной, но и в письменной форме (с. 21-24). Обосновывая вышеуказанный тезис тем, что показания потерпевшего закрепляются письменно в протоколе допроса и протоколе судебного заседания, автор смешивает понятия изъятия (получения) и фиксации (закрепления) доказательств. К тому же, приводимые автором позиции процессуалистов о том, что показаниями потерпевшего могут быть и сведения, сообщаемые в письменной форме (с.22), относятся к периоду, когда уголовно-процессуальное законодательство допускало собственноручную запись показаний, от которой действующий УПК отказался. Схемы же и чертежи никак нельзя признать письменной формой показаний потерпевшего, так как они допускаются не вместо, а вместе с устными показаниями потерпевшего и приобщаются к протоколу допроса.

3. В диссертации не прослежена динамика законодательства, регламентирующего процедуру получения и использования показаний потерпевшего. В частности, не отражены дополнения, включённые в УПК РФ

Федеральным законом № 432-ФЗ от 28.12.2013 года, касающиеся продолжительности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и обеспечения права несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по делам о преступлениях против половой неприкосновенности на оплату труда представителя за счёт средств федерального бюджета. Не учтены изменения правил оглашения показаний потерпевшего в судебном разбирательстве, внесённые в УПК РФ Федеральным законом № 40-ФЗ от 02.03. 2016 года и некоторые др.

4. В диссертации справедливо отмечается, что дача показаний потерпевшим является помимо всего прочего одним из основных средств защиты его процессуальных прав, реализации его процессуального интереса (с.3,38). Однако при этом обходится стороной немаловажная проблема с источниками доказательств, когда потерпевшим является юридическое лицо, которое в уголовном деле может участвовать только посредством своего представителя. Как быть, если, например, генеральный директор, который в силу закона может выступать представителем юридического лица, понесшего непосредственный вред от преступления, обладает сведениями, имеющими значение для дела? Каким образом придать им доказательственное значение? Ведь показаний представителя уголовно-процессуальный закон не предусматривает, а совмещение функций представителя и свидетеля не допускает. Рассмотрение данной проблемы, несомненно, обогатило бы содержание работы.

5. Едва ли можно согласиться с предложением диссертанта исключить показания потерпевшего и свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомлённости, из числа недопустимых доказательств и указать на них в правилах оценки доказательств (с. 40). Отказ от автоматического признания таких показаний не имеющими юридической силы неизбежно пошатнёт единообразие судебной-следственной практики. Не лучше ли пойти по пути уточнения общего понятия допустимости доказательств, которое даже по

нормам действующего УПК, если взглянуть на них внимательнее, не сводится к соблюдению процессуальной процедуры. Взять хотя бы любые виды доказательств, в том числе и показания потерпевшего, содержащие сведения о прежних судимостях обвиняемого, признании его хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Такие доказательства и при соблюдении процессуальной формы их получения недопустимы в силу ч. 8 ст. 335 УПК РФ в судебном следствии с участием присяжных заседателей.

6. При изложении вопроса о надлежащих субъектах получения показаний потерпевшего допущены некоторые пробелы и неточности. Так, утверждение диссертанта о том, что дознаватель, получающий показания потерпевшего, не должен осуществлять оперативно-розыскные мероприятия по тому же делу, не вполне соответствует действующему законодательству. Ведь допрос потерпевшего в рамках неотложных следственных действий в силу п. 7 ст. 5 УПК РФ также может проводить дознаватель, а запрета на производство им же и оперативно-розыскных мероприятий по тому же делу законом не установлено. Автором не учтено, что уголовно-процессуальный закон предусматривает случаи, когда дознаватель вправе производить следственные действия, в том числе и допрос потерпевшего, по делам, которые не были приняты им к своему производству. К ним относится его участие в составе группы дознавателей (ч. 5 ст. 223.2 УПК РФ) и производство следственных действий по поручению другого дознавателя в порядке ст. 152 УПК РФ, регламентирующей место производства предварительного расследования. Аналогичное последнему правилу относительно следователя также не включено в содержание работы при раскрытии соответствующего вопроса.

7. В диссертации стоило рассмотреть вопрос о допустимости показаний потерпевшего, участвующего в уголовном деле под псевдонимом, в силу её обусловленности рядом дополнительных правил.

Вышеизложенные замечания носят полемический характер и не влияют на положительную оценку диссертационного исследования в целом.

Таким образом, диссертационное исследование Д.В. Горбунова на тему «Допустимость показаний потерпевшего в уголовном процессе» является научно-квалификационной работой, содержащей решение научной задачи, имеющей значение для теории уголовно-процессуального права и правоприменительной практики, полностью соответствует требованиям, предъявляемым к такому виду работ Положением «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изм. от 21.04. 2016 г.), а её автор заслуживает присуждения ему искомой учёной степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс.

Официальный оппонент:

профессор кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский
университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»
доктор юридических наук, доцент
Софья Дмитриевна Шестакова

198206; Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1
+7 812 744 87 95
shestakova_sofia@mail.ru

«28» августа 2016 г.

